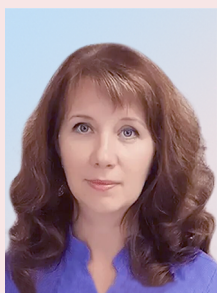

В поисках патриотического активизма: между декларацией и реальностью

**Ксения Евгеньевна
КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sene4ka.87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5875-8912

**Светлана Павловна
МАКАРОВА**

Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники
Министерства обороны Российской Федерации
Череповец, Российская Федерация
e-mail: svet578@mail.ru
ORCID: 0009-0001-6140-7926

Аннотация. Исторический период смены миропорядка, перехода от однополярной к многополярной форме мироустройства предъявляет ключевым странам мира ряд экзистенциальных вызовов, связанных с духовно-нравственным и культурным самоопределением на стратегическую перспективу. Этот вызов особенно актуален для России, которая с началом специальной военной операции на Украине находится в процессе комплексного преобразования всех сфер жизни, в основе которого лежат отказ от либерально-капиталистической парадигмы и смена ее на собственный, суверенный курс национального развития, базирующийся на традиционных культурно-нравственных ценностях и самоопределении страны как государства-цивилизации. В законодательстве последних лет отражены контуры образа будущего России, однако они по-прежнему нуждаются в дальнейшей конкретизации, о чем свидетельствуют продолжающиеся дискуссии вокруг таких понятий, как идеология, образ будущего и т. д. Одним из таких по-

Для цитирования: Косыгина К.Е., Макарова С.П. (2026). В поисках патриотического активизма: между декларацией и реальностью // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 246–262. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.13

For citation: Kosygina K.E., Makarova S.P. (2026). In search of patriotic activism: Between declaration and reality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 246–262. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.13

нятий является патриотизм — термин, который включен Указом Президента № 809 от 9 ноября 2022 года в перечень традиционных ценностей, формирующих мировоззрение граждан России. Данное обстоятельство актуализирует научные поиски вокруг содержания и ключевых характеристик понятия «патриотизм», современных представлений о нем среди различных категорий российского общества. Исследование призвано внести свой вклад в этот поиск. Его цель заключалась в выявлении взаимосвязи между уровнем патриотической самоидентификации и субъективными оценками гражданской активности населения, включая чувство ответственности людей за состояние дел на различных уровнях организации социальной жизни на примере одного из регионов России — Вологодской области. Эмпирическую основу работы составили результаты социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук в апреле 2025 года на территории региона. Объем выборки — 1500 человек. При обработке результатов применялся кросс-табуляционный анализ с расчетом коэффициента Крамера для оценки силы и значимости связей между номинативными переменными. По результатам анализа был сформирован социально-демографический профиль респондентов, идентифицирующих себя в качестве патриотов, а также дана оценка взаимосвязи между степенью патриотической самоидентификации различных категорий граждан. В содержательном плане в представлениях людей о патриотизме зафиксировано преобладание мировоззренческого компонента над деятельностным, что характеризуется сочетанием высокой степени патриотической самоидентификации при относительно низком уровне гражданской активности. Также в рамках исследования полученные данные сравниваются с результатами аналогичных по тематике опросов, проводимых на общенациональном и региональном уровнях. Авторский вклад состоит в разработке методического подхода к исследованию характеристик и представлений граждан о патриотизме, основанного на эмпирических данных, что позволяет использовать его для сравнительного анализа в аналогичных по тематике научных проектах, а также в практике государственного управления.

Ключевые слова: патриотизм, активизм, ответственность, гражданское участие, установки, Родина, регион, идентичность, ценности.

Введение

Специальная военная операция, с самого начала нацеленная на защиту «людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима...», а также демилитаризацию и денацификацию Украины¹, по факту стала триггером глобальных мировых изменений, запустив активную фазу необратимого процесса смены модели мироустройства — с однополярной на многополярную. В этот «переходный» период перед ключевыми странами мира встал вопрос цивилизационного выбора, который будет определять их судьбу на ближайшие десятилетия, а может и столетия.

Для Российской Федерации данный вызов актуален вдвойне, поскольку цивилизационный

конфликт, активная фаза которого началась в 2022 году, сопровождается коренной перестройкой внутреннего развития страны, вызванной отказом от либерально-демократической модели, существовавшей на протяжении последних 30 лет. По сути, никакой другой модели Россия со времен распада СССР не знала, однако сегодня на самом высоком уровне государственного управления публично признано, что это была «скрытая, завуалированная интервенция в отношении нашей страны, направленная на её подчинение интересам каких-то других стран, которые считали, что они имеют на это право»².

Тем не менее, хотя и определено, что Россия больше «не Запад», вопрос «кто мы?» по-преж-

¹ Обращение Президента РФ В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

² Выступление В. Путина на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75521>

нему остается актуальным. Не случайно в научном и общественном публичном пространстве продолжают жаркие дискуссии вокруг таких понятий, как «идеология», «образ будущего», «общественный договор» и т. д. Принципиально важно, что «рамки» этого дискурса государством очерчены, причем не только в публичной риторике, но и на законодательном уровне³. Эти рамки можно определить понятиями национальный суверенитет, патриотизм, Россия как «государство-цивилизация», традиционные духовно-нравственные ценности.

Наше исследование сосредоточено вокруг понятия «патриотизм». Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует его четкое определение, президент неоднократно говорил о том, что «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»⁴, что «сплоченность и патриотизм всегда были главными ценностями»⁵ для россиян и «быть патриотом — значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего служить обществу и стране»⁶.

Патриотические настроения в обществе всегда служили предметом особых исследований в российской гуманитарной науке, однако специальная военная операция на Украине изменила акценты, инициировав новый пул работ, посвященных данному феномену. В них фиксируется эффект «сплочения вокруг фла-

³ См., например: Конституция РФ с изменениями, вступившими в силу 4 июля 2020 г.; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» и т. д.

⁴ Выступление В. Путина на встрече с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263>

⁵ Выступление В. Путина на церемонии вручения медалей Героя Труда и Государственных премий Российской Федерации 12 июня 2026 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/80016>

⁶ Послание Президента РФ Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699>

га» (Виноградова, 2024; Косыгина, 2023), отмечается преобладание «убежденных» патриотов над «умеренными». Сравнение данных 2020 и 2024 гг. о распространенности различных типов патриотизма позволяет сделать вывод о качественной трансформации: если в 2020 году система патриотических установок россиян находилась в устойчивом состоянии с доминированием модернистских тенденций, то в 2024 году произошла «перекидка» всей системы патриотических убеждений в иное по качеству, но столь же устойчивое состояние, однако уже с доминированием традиционалистских тенденций (Кузнецов, 2024).

Результаты последних общероссийских социологических опросов подтверждают, что подавляющее большинство граждан идентифицируют себя в качестве патриотов. Согласно опросам ВЦИОМ за 2024 год, 94% россиян называют себя патриотами своей страны⁷. Динамика показателей также свидетельствует о позитивных изменениях: в 2025 году 61% граждан отметили, что за последний год стали испытывать гордость за Россию чаще, чем ранее⁸. Патриотизм входит в тройку ключевых ценностей населения⁹. Более того, каждый второй респондент (52%) считает, что специальная военная операция скорее способствовала консолидации российского общества¹⁰. Значимую роль в поддержании этой тенденции играют государственные и общественные институты, реализующие соответствующие проекты, программы и публичные мероприятия (Борщевский, 2024; Поляков, 2025).

Вместе с тем массив теоретических и эмпирических исследований свидетельствует о наличии существенных различий между патриотизмом как эмоциональным отношением и патриотизмом как деятельностью. Патриотически настроенный гражданин в обыденной

⁷ О современном российском патриотизме. 2024 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme>

⁸ У российских — собственная гордость! // ВЦИОМ. 01.09.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost>

⁹ Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ. 29.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>

¹⁰ Сила — в единстве! // ВЦИОМ. 01.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sila-v-edinstve>

жизни может позволить себе вербальную поддержку патриотических ценностей и установок, уклоняясь от активных практик (Chang, Guo, 2022). Однако подлинный патриотизм предполагает не только эмоциональное отношение и осознание ценности идентичности, но и ее деятельностное отстаивание (Ивченкова, Буханский, 2024). Исходя из этого, считаем необходимым количественно оценить разрыв между патриотическими установками и их потенциальной реализацией в поведении людей.

Предметом данного исследования выступает соотношение патриотической самоидентификации и деятельностных проявлений (активизм, ответственность, влияние) на разных уровнях социальной организации. Цель работы заключалась в выявлении взаимосвязи между уровнем патриотической самоидентификации и самооцениваемыми параметрами гражданской активности, ответственности, а также субъективными представлениями о собственном влиянии на различных уровнях социальной организации на примере одного из регионов России – Вологодской области.

Теоретические основы исследования

В зарубежной исследовательской традиции значимый вклад в понимание деятельностного измерения патриотизма внесли работы Р.Т. Шатца, Э. Стауба, различающих «слепой» и «конструктивный» патриотизм (Schatz et al., 1999; Staub, 2015). «Конструктивный» патриотизм предполагает критическое осмысление проблем страны и готовность к активным действиям по их решению, тогда как «слепой» ограничивается эмоциональной привязанностью и некритической лояльностью. Данное различие имеет прямое отношение к предмету нашего исследования, поскольку позволяет дифференцировать пассивные формы патриотической идентичности от тех, которые потенциально способны трансформироваться в деятельность.

Важно отметить эволюцию западного дискурса, связанную с его длительным сближением с национализмом (национал-патриотизм), который выражался в идеализации нации, чувстве национального превосходства и стремлении к доминированию (Viroli, 1997), что впоследствии породило концепцию «космополитического патриотизма» как реакции на эти тенденции (Vader, 1999). В контексте па-

триотизма космополитизм означает лояльность человечеству в целом и противопоставляется локальному/национальному патриотизму (Nussbaum, 1996; Кузнецова, Кузнецов, 2015; Карнышев, 2017). Д. Миллер выступал с противоположной точкой зрения. По его мнению, гражданская демократия невозможна без патриотизма как механизма социальной солидарности, а космополитическая идентичность не может служить альтернативой национальной привязанности (Miller, 1995).

Российская специфика, напротив, характеризуется укорененностью патриотизма в традиционных ценностях и сильной связью с локальным уровнем (Поломошнов, Поломошнов, 2024), что требует обращения к отечественным исследованиям.

Социологический подход в отечественной науке ориентирован на изучение патриотизма во всех его вариантах, эмпирически зафиксированных в общественном сознании. В рамках этого направления патриотизм рассматривается как одна из форм социальной установки, имеющая в своей структуре эмоциональные, ценностные (когнитивные) и деятельностные (поведенческие) компоненты (Ивченкова, Буханский, 2024; Шувакович, Троцук, 2013). С точки зрения настоящего исследования ключевое значение приобретает деятельностный компонент, который требует не только анализа представлений о должном поведении, но и обращения к реальным практикам. В связи с этим необходимо обратиться к теории социального действия. Согласно деятельностному подходу, восходящему к А. Турену (Турен, 1998), патриотизм раскрывается через помогающие отношения в предметной среде (Решетников, Решетникова, 2020), что позволяет рассматривать патриотическую деятельность не как абстрактную категорию, а как конкретные практики взаимодействия человека с окружающим миром.

С методологической точки зрения для настоящего исследования наибольшую ценность представляет подход И. А. Халий (Халий, 2017а; Халий, 2017b). Опираясь на результаты эмпирического исследования, проведенного в девяти регионах европейской части России в 2013–2015 гг., автор предлагает типологию отношений к Родине, включающую три типа: безоговорочный патриотизм, преобразовательную

любовь и индифферентное отношение. Наиболее значимым для нашего исследования является второй тип — преобразовательная любовь. Он предполагает не только эмоциональное отношение, но и готовность к активным действиям, направленным на улучшение положения дел в стране, регионе, локальном сообществе. Данный тип наиболее близок к пониманию патриотизма как деятельностной позиции, поскольку соединяет ценностное отношение с практической включенностью. Важно отметить, что преобразовательная любовь может быть направлена на объекты разного масштаба — от страны в целом до своего двора или города, причем на локальном уровне она проявляется наиболее отчетливо (Халий, 2017b).

Также заслуживает внимания концепция социального действия О.В. Аксеновой, коллеги А.И. Халий, которая различает «акторское действие», «акторское социальное действие» (инициативную, осмысленную деятельность, где человек выступает полноценным актором) и «технологическое социальное действие» (следование внешним предписаниям, административным алгоритмам) (Аксенова, 2020; Аксенова, 2016). Эта дихотомия соответствует нашей задаче дифференциации патриотического активизма и ритуализированной лояльности.

Хотя настоящее исследование не фокусируется исключительно на молодежи, теоретические наработки в этой области представляются важными для понимания динамики патриотических установок в целом. В работах Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова и коллег показано, что патриотизм и гражданская идентичность формируются не линейно, а через механизмы саморегуляции смысложизненных ценностей в культурном пространстве, причем коллективистские установки, важные для патриотической идентичности, тесно связаны с активной жизненной позицией, а характер данной взаимосвязи варьируется у разных возрастных когорт (Зубок и др., 2021; Зубок, Чупров, 2019).

Кроме того, концепт патриотизма связан с исследованиями ценностей. По классификации ценностей М. Рокича патриотизм относится к терминальным ценностям, потому что может рассматриваться как ценность, связанная с целями индивидуального существования, направленными на благополучие страны, ее истории,

культуры, населения и других аспектов, значимых для личности или общества (Рокеаш, 1973). Р. Инглхарт относил патриотизм к традиционным ценностям. В рамках своей теории и методологии, основанной на данных Всемирного исследования ценностей (WVS), он выделял две основные оси классификации. Первая ось — традиционные ценности против светско-рациональных — отражает сдвиг от религиозности, сильной семьи и национальной гордости к большей секуляризации и рациональности. Другая ось — ценности выживания противопоставляются ценностям самовыражения. В этой ситуации осуществляется переход от акцента на безопасность, материальные блага и выживание к ценностям самореализации, прав меньшинств, участия в принятии решений и экологической ответственности. Патриотизм входит в группу традиционных ценностей, которые противопоставляются секулярно-рациональным. Таким образом, патриотизм у Р. Инглхарта связан с консервативными, исторически сложившимися установками, которые могут сохраняться в обществе в условиях, когда приоритет отдается традициям и национальным интересам (Inglehart, 1997).

Как отмечает А.П. Павлов, «объект патриотизма менялся в зависимости от социального окружения человека и степени развития социума» (Павлов, 2018, с. 176). В основе классификации, предложенной ученым, лежит понятие «объект лояльности», трактуемое как элемент реальности, по отношению к которому возникает социальное чувство. В рамках этой типологии исследователь выделяет виды патриотизма (племенной; местный; национальный; государственный; классовый; корпоративный), которым соответствуют конкретные объекты лояльности (семья, племя; село, город; нация, народ; государство; социальный класс; организация). Представленная классификация демонстрирует динамичность в восприятии патриотизма и позволяет расширить трактовку объекта его внимания, что создает основания для многомерного и дифференцированного понимания сущности патриотизма. Это особенно важно для эмпирического исследования, поскольку позволяет учитывать разную направленность патриотической активности — от заботы о своем дворе до служения государству.

При этом методологической проблемой является разграничение патриотической деятельности и смежных форм активности. Многие исследователи склонны к широкой трактовке, интегрируя в понятие патриотической деятельности разнообразные практики социального участия (Лубский, 2019; Чупров и др., 2014). В этом контексте патриотическая деятельность содержательно сближается с гражданской/социальной активностью, определяемой как действия граждан, направленные на решение общественно значимых проблем (Патрушев, 2009). Р.В. Парма на основе эмпирических данных выделяет ведущие мотивы социальной активности: возможность быть полезным другим людям, исполнить гражданский долг, вместе решать общие задачи, самореализоваться (Парма, 2022). В отличие от гражданской активности патриотическая деятельность в строгом понимании предполагает доминирование в мотивационной структуре именно патриотических мотивов, что существенно сужает круг практик, относимых к этой категории. Однако в реальном поведении граждан патриотические и гражданские мотивы часто переплетаются, что требует более гибкого подхода к их концептуализации.

Ученые доказывают стабильность формирования патриотической деятельности. Так, Ю.Н. Трифонов и А.В. Кузьмин отмечают, что на завершающей стадии формирования любви к Родине патриотическое отношение реализуется на практике в виде конкретных действий и поступков, совокупность которых составляет содержание патриотической деятельности (Кузьмин, Трифонов, 2016). Сходную позицию занимают Д.Е. Яковлев и Г.Ф. Шилова, утверждая, что «современный патриотизм должен иметь активно-деятельностную направленность, превращая чувства и эмоции в социальную деятельность человека на благо Отечества» (Яковлев, Шилова, 2016, с. 93). Исследования авторов позволяют рассматривать патриотическую деятельность не как изолированный элемент, а как закономерный этап развития патриотического сознания, что имеет принципиальное значение для понимания разрыва между декларативным патриотизмом и реальной включенностью граждан.

Для целей настоящего исследования продуктивным представляется выделение широкого подхода к патриотической деятельности, ко-

торая содержательно сближается с гражданской активностью и распространяется на множество объектов заботы, включая локальное сообщество, малую родину, социальную среду. В этом случае под патриотической активностью понимается разноплановое деятельное участие в улучшении условий жизни общества и отдельных граждан, при котором в качестве мотива деятельности могут присутствовать патриотические ценности наряду с иными мотивационными основаниями.

Исследовательский вопрос (гипотеза) заключается в следующем: существует ли статистически значимая связь между уровнем патриотической самоидентификации и реальной гражданской активностью или же высокая самоидентификация сочетается с пассивностью, что позволяет говорить о преобладании декларативного патриотизма над деятельностным?

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступили данные социологического опроса, проведенного в апреле 2025 года Вологодским научным центром Российской академии наук на территории Вологодской области. Применялась квотная выборка с контролем пропорций по трем основаниям: тип поселения (город/село), пол и возраст респондентов. Такая конструкция обеспечивает репрезентативность полученных данных относительно генеральной совокупности взрослого населения региона. Объем выборочной совокупности составил 1500 человек. Инструментарий исследования представлял собой стандартизированную анкету, включающую блоки вопросов, направленных на диагностику социально-политических установок, ценностных ориентаций, а также практик гражданского и патриотического участия. Из общего массива данных были отобраны вопросы, позволяющие операционализировать ключевые показатели поэтапно.

На первом этапе с помощью ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?» определялась патриотическая самоидентификация (варианты: «однозначно считаю», «скорее считаю», «скорее не считаю», «точно не считаю»). На основе этого вопроса были сконструированы четыре группы. Для анализа социально-демографического профиля эти категории были агрегированы в две укрупненные группы: «патриоты» и «не патриоты».

На втором этапе исследования выявлялись представления респондентов о патриотизме путем анализа ответов на вопросы о содержательных представлениях о Родине и патриотизме, удовлетворенностью жизни в России, о поступках, которые становятся проявлениями патриотизма с разделением на активные и пассивные формы.

На третьем этапе оценивались деятельностные проявления патриотизма: самооценка социальной активности (по 10-балльной шкале), чувство ответственности и оценка собственного влияния на разных уровнях (от дома до страны). Следует обозначить ограничение, связанное с операционализацией деятельностного компонента патриотизма. Инструментарий исследования измеряет не столько реальные практики гражданского участия, сколько установки в отношении этих практик и самооценки респондентами собственной активности, ответственности и влияния. Например, фиксируется мнение о том, выступает ли служба в армии проявлением патриотизма, но не фиксируется факт прохождения службы. Аналогично респондент оценивает степень участия в общественной жизни по субъективной шкале и чувство ответственности за состояние дел, а не вовлеченность в конкретные действия. Различие между декларируемыми установками и реальным поведением составляет ключевой предмет анализа, но само исследование по своему дизайну остается в поле изучения установок и самооценок.

В работе применялся кросс-табуляционный анализ для выявления взаимосвязей между патриотической самоидентификацией и изучаемыми установками и практиками. Для оценки силы и значимости связи между номинальными переменными использовался коэффициент Крамера (V), статистическая значимость оценивалась на уровне $p < 0,05$. Выбор данного коэффициента обусловлен его устойчивостью к нарушениям нормальности распределения и применимостью для таблиц сопряженности любого размера. Такой подход позволил не только зафиксировать различия между группами с разным уровнем патриотической самоидентификации, но и определить статистическую значимость выявленных закономерностей.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к выявлению взаимосвязей, необходимо остановиться на профиле/

портрете патриотов и не патриотов. Среди патриотов наблюдается незначительное доминирование женщин (57%). Более патриотично настроены лица среднего и старшего возраста. При этом возраст не является дифференцирующим фактором при отнесении себя к патриотам: разрыв между двумя группами минимален. Материальное положение и уровень образования выступают выраженными маркерами различия между группами. Суммарно 83% патриотов по самооценкам относят себя к людям со средним и высоким уровнем дохода. В группе «не патриотов» существенно выше доля наименее обеспеченных граждан. Кроме того, наблюдается выраженная территориальная поляризация: патриоты чаще проживают в крупных городах (Вологде и Череповце). Среди тех, кто не считает себя патриотом, большинство составляют жители районов и округов региона (66%; табл. 1).

Выявлена взаимосвязь между уровнем патриотической самоидентификации регионального сообщества и содержательными представлениями о Родине. Значение коэффициента Крамера ($V = 0,200$, $p < 0,001$) показывает наличие статистически значимой связи между двумя номинальными переменными: самооценкой патриотизма и типом идентификации Родины. Чем выше уровень патриотической самоидентификации, тем чаще респонденты называют Россию своей безусловной Родиной. Условный патриотизм наиболее распространен среди групп со средней или неустойчивой идентичностью. Респонденты, уверенно не утверждающие свою патриотичность, чаще других связывают чувство Родины с возможностью улучшения условий жизни. Прагматичный подход к определению Родины преобладает среди тех, кто не считает себя патриотом. Для этой группы ключевыми факторами становятся личный комфорт и качество жизни, а не территориальная или культурная принадлежность. Наблюдается рост рефлексивной неопределенности по мере снижения патриотической идентичности. Те, кто скорее не причисляет себя к патриотам, чаще либо не задумываются о вопросе, где их Родина, либо затрудняются с ответом, что, возможно, свидетельствует о разрыве между официальным патриотическим дискурсом и личными смыслами респондентов (табл. 2).

Таблица 1. Социально-демографический профиль групп с разным уровнем патриотической самоидентификации, %

Социально-демографическая характеристика	Считаете ли Вы себя патриотом?		Разрыв патриоты / не патриоты, п. п.
	Патриоты (Однозначно и скорее считаю)	Не патриоты (Точно и скорее не считаю)	
Пол			
Мужской	43,5	49,3	-6
Женский	56,5	50,7	+6
Возраст			
до 30 лет	14,0	14,4	0
30–55 лет	46,3	45,8	1
старше 55 лет	39,7	39,8	0
Образование			
Среднее и н/среднее	31,9	50,2	-18
Среднее специальное	37,7	30,3	+7
Высшее и н/высшее	30,4	19,4	+11
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	16,8	36,1	-19
60% среднеобеспеченных	61,2	54,1	+7
20% наиболее обеспеченных	22,0	9,8	+12
Территории			
Вологда	29,7	19,4	+10
Череповец	28,6	14,4	+14
Районы / округа	41,7	66,2	-25
В среднем по Вологодской области	85,2	13,4	-72

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Где твоя Родина?» в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Как бы Вы ответили на вопрос «Где твоя Родина?»				
Я считаю Россию своей Родиной	86,9	66,5	40,6	41,7
Я хотел бы считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах	4,1	10,9	14,5	11,1
Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился	1,7	7,8	19,4	30,6
Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить	1,8	3,7	7,9	5,6
Я не задумывался над этим вопросом	5,4	11,1	17,6	11,1

V Крамера = 0,200 (p < 0,001) – средняя связь.

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.

Развивая эту тему, отметим, что особый интерес представляет сравнительный анализ восприятия качества жизни в стране среди различных по уровню патриотизма групп респондентов. Наблюдается взаимосвязь: по мере усиления патриотических чувств растет уровень удовлетворенности своей жизнью в России. Так, среди тех, кто однозначно относит себя к патриотам, абсолютное большинство (78%) «полностью или скорее удовлетворены». В про-

тивоположность этому среди лиц, отрицающих свою патриотическую идентичность, доминирует негативная оценка качества жизни в России (табл. 3). Таким образом, патриотизм и удовлетворенность жизнью выступают не как изолированные, а как тесно взаимосвязанные социально-психологические характеристики, где более сильная патриотическая идентичность коррелирует с ощущением более высокого уровня социального благополучия.

Таблица 3. Удовлетворенность жизнью в Российской Федерации в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в Российской Федерации?				
Полностью удовлетворен	39,7	10,3	5,5	5,6
Скорее удовлетворен	37,8	50,9	24,2	22,2
Скорее не удовлетворен	7,8	16,2	29,7	44,4
Полностью не удовлетворен	1,7	5,6	7,3	13,9
Затрудняюсь ответить	13,0	17,0	33,3	13,9
V Крамера = 0,220 (p < 0,001) – средняя связь. Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

По результатам исследования наблюдается связь между самооценкой населением своей патриотичности и тем, какие именно поступки и действия они относят к проявлениям патриотизма. Чем выше уровень патриотической самоидентификации, тем чаще респонденты склонны связывать патриотизм с конкретными, институциональными и эмоционально окрашенными формами активности. Напротив, среди тех, кто не относит себя к патриотам, значительно выше доля затруднившихся с ответом, что может свидетельствовать как о критическом переосмыслении понятия, так и о дистанцировании от официальной риторики.

Наиболее ярко разница между группами проявляется в отношении традиционных, ритуализированных форм патриотизма. Так, служба в армии и готовность защищать Родину как ключевой признак патриотизма выделяется 58% среди однозначно считающих себя патриотами, тогда как среди скорее не считающих этот показатель снижается до 29%, а среди точно не считающих составляет 25%. Аналогичная, хотя и менее выраженная динамика фиксируется в отношении поддержки президента и руководства страны: 36% против 17% соответственно. Фактически, для респондентов с высокой патриотической самоидентификацией патриотизм тесно связан с лояльностью государственным институтам и готовностью к их защите.

В то же время для всех групп значимыми остаются эмоционально-ценностные компоненты. Любовь к стране и гордость за нее входят в число наиболее частых ответов во всех категориях, однако с уменьшением уровня самоидентификации их значимость снижается. Полагаем, что даже население, отрицающее

свою патриотичность, не исключает эмоциональной связи со страной, но трактует патриотизм иначе, скорее, как внутреннее чувство, не требующее внешнего выражения.

Разделение представлений на активные и пассивные формы показывает, что группа однозначно считающих себя патриотами чаще называет как активные, так и пассивные проявления. При этом активные формы, такие как служба в армии, активная гражданская позиция или сохранение исторической памяти, наиболее характерны именно для этой группы. В то же время для тех, кто не относит себя к патриотам, более значимыми оказываются либо пассивные формы, либо отсутствие определенной позиции. Выделяется вариант ответа «хорошая, добросовестная работа на благо страны», по которому значения выше у абсолютных не патриотов (25%). Показательно, что такие формы, как участие в патриотических мероприятиях или поддержка российских спортсменов, получают минимальную поддержку во всех группах, что позволяет сделать предположение о восприятии их как вторичных или излишне конъюнктурных.

Коэффициент Крамера, рассчитанный для наиболее частотных переменных, демонстрирует наличие статистически значимой, хотя и слабой, связи между патриотической самоидентификацией и представлениями о проявлениях патриотизма (V Крамера от 0,151 до 0,188, $p < 0,001$ во всех случаях). Поэтому различия между группами неслучайны, однако патриотическая самоидентификация не является единственным или определяющим фактором в формировании представлений. Наиболее тесная связь зафиксирована для переменной «служба в

армии, готовность защищать Родину» ($V = 0,188$), что подтверждает ее роль как маркера, разделяющего группы с разным уровнем патриотической самоидентификации (табл. 4).

Ввиду методологических особенностей инструментария исследования анализ патриотической деятельности осуществлялся с опорой на широкую трактовку концепта, включающего проявления социальной и гражданской активности населения региона. Установлено, что респонденты с выраженной патриотической самоидентификацией чаще вовлекаются в общественно-политические практики. Так, среди тех, кто уверенно относит себя к патриотам,

27% оценивают свое участие в социальной жизни как «активное» или «скорее активное», тогда как среди сомневающихся в своей патриотичности этот показатель снижается до 12–15%. Однако даже среди убежденных патриотов доля активно включенных в общественные дела остается относительно небольшой. Более того, 46% респондентов из этой группы открыто заявляют о своей общественной пассивности. Самооценка участия слабо, но статистически значимо связана с самооценкой патриотизма (V Крамера = 0,122, $p < 0,001$). Полученные данные не позволяют утверждать, что патриотизм является ключевым драйвером политической активности (табл. 5).

Таблица 4. Представления о проявлениях патриотизма в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Если говорить о жителях нашей страны, то в каких поступках и действиях в первую очередь проявляется патриотизм?				
Активные формы патриотизма				
Служба в армии, готовность защищать Родину	57,8	38,5	21,8	25,0
Активная гражданская позиция, участие в делах страны	29,0	17,8	17,0	19,4
Хорошая, добросовестная работа на благо страны	14,2	18,4	10,3	25,0
Участие в выборах, митингах	13,5	12,8	5,5	8,3
Сохранение исторической и культурной памяти, участие в памятных мероприятиях	21,6	23,4	17,0	25,0
Участие в патриотических мероприятиях, концертах	6,0	4,6	1,2	2,8
Пассивные формы патриотизма				
Отсутствие желания уехать из России	47,8	34,6	23,0	30,6
Любовь, уважение к своей стране, гордость за неё	57,3	48,2	35,2	41,7
Поддержка Президента страны, руководства страны	36,0	24,0	18,2	16,7
Интерес к событиям в стране, их обсуждение	16,2	22,1	11,5	27,8
Стойкость, готовность терпеть трудности	8,8	11,4	9,7	2,8
Поддержка отечественных производителей	17,5	16,6	13,9	11,1
Поддержка российских спортсменов	5,1	9,3	9,1	2,8
Затрудняюсь ответить	15,6	18,6	45,5	33,3
Примечание: коэффициенты V Крамера находятся в диапазоне 0,151–0,188, что свидетельствует о слабой связи между патриотической самоидентификацией и представлениями о проявлениях патриотизма. Во всех случаях $p < 0,001$, связь статистически значима. Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

Таблица 5. Оценки активности в общественной и политической жизни в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?				
Активное и скорее активное	27,1	15,5	12,1	22,3
Скорее пассивное и пассивное	46,1	64,0	76,4	61,1
Затрудняюсь ответить	26,8	20,5	11,5	16,7
V Крамера = 0,122 ($p < 0,001$) – слабая связь. Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

Логичным этапом исследования представляется анализ степени выраженности и интенсивности проявления социальной активности. Анализ самооценки активности в местном сообществе (по 10-балльной шкале) в зависимости от патриотической самоидентификации позволил выявить положительную связь. Наиболее высокий средний балл участия зафиксирован в группе тех, кто однозначно относит себя к патриотам (4,8), что ожидаемо демонстрирует их установки на консолидацию высокой патриотической идентичности с вовлеченностью в локальную среду. При этом группа абсолютных не патриотов демонстрирует средний балл (4,4), превышающий показатели групп со «смешанной» идентичностью: «скорее считаю» – 4,1 и особенно «скорее не считаю» – 3,4¹¹. При этом уровень патриотизма выше среди вовлеченных в социально значимые практики (спортивные, благотворительные, волонтерские, профессиональные). Среди не участвующих доля «не патриотов» максимальна – 83%, а удельный вес уверенных патриотов – 65%.

В рамках исследования была проанализирована взаимосвязь между уровнем патриотической самоидентификации и восприятием собственной ответственности, а также способности влиять на состояние дел на различных уровнях социальной организации: от локального до национального.

Анализ ответов на вопрос о чувстве ответственности демонстрирует общую закономерность для всех групп респондентов: независимо от уровня патриотической идентичности чув-

ство ответственности закономерно убывает по мере удаления объекта от непосредственного жизненного пространства человека. Наиболее выраженное чувство ответственности у всех категорий респондентов фиксируется на уровне дома или двора (от 36 до 44%). Вместе с тем чувство ответственности за ближайшее окружение не связано с патриотической самоидентификацией (различия статистически незначимы $p > 0,05$). На уровне города или района связь становится статистически значимой, но слабой. Респонденты, полностью отрицающие свою патриотическую идентичность, чаще других ощущают ответственность за свой город или район. Вопреки ожиданиям, те, кто безоговорочно относит себя к патриотам, не являются лидерами по чувству ответственности ни на одном из уровней. В целом патриотическая идентификация не становится значимым фактором чувства ответственности практически ни на одном из уровней, кроме города и района (табл. 6).

Респондентам был задан вопрос о том, могут ли они лично повлиять на состояние дел (потенциальная возможность влиять). В отличие от чувства ответственности, здесь фиксируется статистически значимая, хотя и слабая связь с патриотической самоидентификацией на большинстве уровней. На уровне дома/двора наиболее высокие оценки демонстрируют патриоты. Различия статистически значимы (V Крамера = 0,081, $p < 0,05$). Патриотическая идентификация в этом контексте позитивно связана с верой в свою возможность влиять на локальном уровне. На уровне города/района разрывы становятся более выраженными.

Таблица 6. Оценки ответственности за состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел?					
Дом/двор	41,5	39,8	35,8	44,4	0,056 ($p > 0,05$)
Город/район	18,9	16,4	12,7	25,0	0,082 ($p < 0,05$)
Область	12,1	12,8	7,9	19,4	0,061 ($p > 0,05$)
Страна	11,4	13,1	6,1	19,4	0,069 ($p > 0,05$)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

¹¹ Формулировка вопроса: «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете (где 1 – совершенно не участвую, 10 – активно участвую)?».

Таблица 7. Оценки потенциальной возможности влиять на состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?					
Дом/двор	37,2	34,0	33,3	22,2	0,081 (p < 0,05)
Город/район	13,5	11,0	4,2	13,9	0,109 (p < 0,001)
Область	9,1	8,3	4,8	8,3	0,079 (p < 0,05)
Страна	9,2	8,5	5,5	8,3	0,077 (p < 0,05)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

На уровне области и страны сохраняется та же закономерность: среди тех, кто однозначно и скорее всего относит себя к патриотам, наблюдаются близкие показатели (8–9%), тогда как «скорее не патриоты» – наименьшие (5%; табл. 7).

При оценке реального, а не потенциального влияния различия между группами становятся еще более контрастными, особенно на локальном уровне. Так, на уровне дома или двора наблюдается доминирование патриотически настроенных групп. Различия значимы (V Крамера = 0,121, p < 0,001) и подтверждают, что патриотическая идентификация оказывает хотя и слабым, но предиктором ощущения реального влияния на дела в своем доме или дворе. Наиболее интригующий результат фиксируется на уровне области и страны. Здесь группа не считающих себя патриотами демонстрирует высокие показатели реального влияния (по 25% соответственно), более чем вдвое превышая показатели однозначно относящих себя к патриотам (по 11%), и эти различия также статистически значимы (табл. 8).

Можно сделать вывод, что патриотическая самоидентификация слабо или вовсе не связана с чувством ответственности и ощущением влияния на состояние дел на разных уровнях. Нельзя сказать, что патриоты значительно отличаются от не патриотов по этим показателям.

Дискуссия

Полученные в ходе исследования результаты в целом соответствуют магистральной линии, выявленной в рамках общероссийских и региональных исследований последних лет. Во-первых, подтверждается тезис о преобладании мировоззренческого (эмоционального) компонента патриотизма над деятельностным (Chang, Guo, 2022). В Вологодской области подавляющее большинство населения идентифицирует себя как патриоты (суммарно 85%), однако регулярная и инициативная гражданская активность характерна для меньшинства из них. Даже среди тех, кто однозначно относит себя к патриотам, только 27% оценивают свое участие как активное, тогда как 46% заявляют о своей пассивности. Преобладание эмоционального компонента подтверждается и данными всерос-

Таблица 8. Оценки реального влияния на состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Как Вы считаете, влияете ли Вы лично сегодня на состояние дел?					
Дом/двор	34,8	31,9	13,3	22,3	0,121 (p < 0,001)
Город/район	18,9	19,3	7,3	19,4	0,114 (p < 0,001)
Область	11,4	12,0	7,2	25,0	0,089 (p < 0,001)
Страна	11,2	11,0	7,1	25,0	0,087 (p < 0,001)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

сийского опроса Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (за 2020 год). По результатам опроса две трети (67%) респондентов понимали патриотизм как любовь к Родине, тогда как лишь для каждого четвертого (26%) патриотизм ассоциировался с конкретными действиями на благо страны¹². В массовом сознании патриотизм — это прежде всего чувство, а не действие.

Во-вторых, выделяется региональная специфика Вологодской области. Вологодская область демонстрирует более низкий уровень деятельности включенности по сравнению с дальневосточными регионами (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край), где исследователи фиксируют выраженный деятельностный характер патриотизма (24–32% респондентов готовы лично защищать страну, значительная часть участвует в патриотических акциях, разброс по этим трем регионам составляет 43–65%) (Петрова, 2025). Возможно, это связано с приграничным положением дальневосточных регионов и, как следствие, актуализацией факторов безопасности, что в центральной части России выражено слабее. Вологодская область расположена вблизи столичных центров и, соответственно, больше подвержена государственному патриотическому дискурсу, который стимулирует не столько инициативное действие («акторское социальное действие» в терминологии О.В. Аксеновой), сколько ритуализированные формы лояльности («технологическое социальное действие»).

Сопоставление результатов опроса по Вологодской области с данными исследования в Республике Саха (Якутия) позволяет выявить некоторые общие закономерности и различия. В обоих регионах образование и материальное положение выступают значимыми факторами патриотизма, а возраст не является сильным дифференцирующим фактором. Ключевое различие наблюдается по доле «прагматичного патриотизма». О.В. Васильева выделяет в Якутии «безусловных патриотов» (54%) и «прагматичных патриотов» (47%), т. е. тех, кто готов жить в любой стране, где лучше (Васильева, 2024).

¹² Патриотизм: эмоции или действие? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. 24.02.2021. URL: <https://www.hse.ru/news/science/446471871.html>

В Вологодской области доля «прагматичных патриотов» (Родина «там, где комфортно») составляет лишь 7–11%. Такое различие, вероятно, объясняется более сложными климатическими и экономическими условиями Якутии, где фактор условий жизни играет большую роль.

Вопреки ожиданиям, в полиэтничной Якутии этническая принадлежность не оказывает значимого влияния на патриотизм: среди якутов патриотов 75%, среди русских — 76% (Васильева, 2024). В моноэтничной Вологодской области (97% русских по данным опроса) этнический фактор не релевантен.

В Якутии доля «не патриотов» крайне мала (5,5%) и не подлежит детальному анализу. В Вологодской области, напротив, выявлена интересная особенность: респонденты, которые определенно не считают себя патриотами, демонстрируют более высокие показатели ответственности и влияния (как на региональном, так и на национальном уровне) по сравнению с теми, кто однозначно причисляет себя к патриотам. Это одно из отличий Вологодской области.

В-третьих, зафиксирован результат, требующий осторожной интерпретации. Группа точно не относящих себя к патриотам в ряде случаев демонстрирует относительно высокие показатели (например, по чувству ответственности). Однако сила связи в этих случаях слабая, а численность данной подгруппы в выборке невелика. С высокой вероятностью наблюдаемые различия обусловлены малым объемом подвыборки. Мы склонны интерпретировать этот результат как требующий дополнительной верификации на более репрезентативной выборке респондентов с низкой патриотической идентичностью.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим некоторые особенности, требующие отдельного осмысления и дальнейшего изучения.

Трактуя патриотизм как одну из опорных духовно-нравственных ценностей, составляющих мировоззрение граждан (по крайней мере, в желаемом образе будущего России), следует сказать, что результаты проведенного исследования указывают на преобладание в его восприятии мировоззренческого компонента над

деятельностным, что подтверждает высказанную ранее гипотезу. Большинство населения с высокой патриотической самоидентификацией демонстрирует патриотические чувства и установки, однако регулярная и инициативная гражданская активность характерна для меньшинства. Вместе с тем полное отсутствие активности также не подтверждается: на локальном уровне представители группы патриотов ощущают себя реально влияющими на состояние дел. Таким образом, патриотизм реализуется скорее как потенциальная, ситуативная и локально-ограниченная деятельностная позиция, нежели как систематическая гражданская вовлеченность.

Вопреки ожиданиям, зафиксированные в исследовании различия между группой «точно не патриотов» и другими группами не позволяют говорить о систематической закономерности. Высокие показатели ответственности и влияния в этой группе наблюдаются при слабой силе связи (V Крамера = 0,087–0,089) и, вероятно, обусловлены малочисленностью подвыборки. Для подтверждения или опровержения наличия особой «критически настроенной, но социально ответственной» группы требуются дополнительные исследования.

Исследование также позволило выявить асимметрию в распределении показателей «ответственность» и «влияние». Если чувство ответственности статистически значимо не связано с патриотической самоидентификацией на большинстве уровней (кроме города/района, где связь очень слаба), то уверенность в возможности влияния и реальное воздействие на локальном уровне (дом/двор) слабо, но статистически значимо связаны с патриотической идентичностью. Вероятно, это обусловлено тем, что патриотическая идентичность тесно сопряжена с ощущением собственной эффек-

тивности в ближайшем социальном окружении, но не коррелирует с глобальным чувством ответственности.

Установлено, что наиболее пассивной группой являются «скорее не патриоты». Во всех измерениях и на большинстве уровней именно эта категория демонстрирует наименьшие показатели гражданской активности, ответственности и веры в возможность влияния. Это позволяет заключить, что разрыв в гражданской позиции проходит не по линии «патриоты / не патриоты» в целом, а между «скорее не патриотами» и всеми остальными группами.

В целом, выявленные в исследовании закономерности требуют выхода за рамки количественной логики исследования. Дальнейшее развитие работы предполагает интеграцию качественных методов, расширение поведенческих индикаторов, лонгитюдный дизайн и межрегиональные сравнения. Такой подход позволит не только верифицировать полученные выводы, но и перейти к пониманию причинно-следственных механизмов, связывающих патриотическую идентичность с гражданской субъектностью и ответственностью, гражданской активностью.

Отметим также, что дальнейшее исследование не только патриотизма (его понимания и восприятия различными социально-демографическими группами населения), но и всех прочих традиционных духовно-нравственных ценностей, зафиксированных в Указе Президента № 809 от 9 ноября 2022 года, представляет на сегодняшний день актуальную задачу для российской науки, способной (и обязанной), на наш взгляд, внести весомый вклад в унификацию и конкретику трактовки достаточно сложных, многоаспектных понятий, являющихся, тем не менее, системообразующими элементами в образе будущего России.

Литература

- Аксенова О.В. (2016). Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. Москва: Институт социологии РАН. 304 с.
- Аксенова О.В. (2020). Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актер, никто? // Вестник Института социологии. Т. 11. № 2. С. 37–53.
- Борщевский Г.А. (2024). Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. № 3. С. 57–70. DOI: 10.31857/S0132162524030051
- Васильева О.В. (2024). Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. № 8. С. 94–104. DOI: 10.31857/S0132162524080072

- Виноградова И.М. (2024). Институциональное политическое доверие как фактор консолидации российского общества // *Дискурс-Пи*. Т. 21. № 3. С. 145–173. DOI: 10.17506/18179568
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2019). Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // *Вестник Института социологии*. Т. 10. № 4. С. 164–186.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. (2021). Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // *Вестник Института социологии*. Т. 12. № 3. С. 79–98.
- Ивченкова М.С., Буханский И.И. (2024). Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // *Вестник Института социологии*. Т. 15. № 2. С. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6
- Карнышев А.Д. (2017). Особенности отношения к патриотизму и космополитизму в разных странах и регионах России // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 20. С. 17–25.
- Косыгина К.Е. (2023). О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области) // *Вестник Института социологии*. Т. 14. № 4. С. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11
- Кузнецов И.М. (2024). Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 12. № 4. С. 65–81. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4.
- Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е. (2015). Антиномии смыслов: патриотизм vs космополитизм // *Вестник Бурятского государственного университета*. Философия. № 14. С. 10–17.
- Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. (2016). О структуре патриотизма // *Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ*. № 6. С. 52–71.
- Лубский А.В. (2019). Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // *Гуманитарий Юга России*. Т. 8. №. 2. С. 47–66.
- Павлов А.П. (2018). Патриотизм. Очень краткая история идеи // *Философская антропология*. Т. 1. № 4. С. 175–191. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191
- Парма Р.В. (2022). Гражданская активность поколений в современном российском обществе // *Вестник Института социологии*. Т. 13. № 2. С. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788
- Патрушев С.В. (2009). Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 24–32.
- Петрова Е.В. (2025). Российская идентичность в дальневосточных регионах (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край) // *Вестник Томского государственного университета*. № 515. С. 89–96. DOI: 10.17223/15617793/515/10
- Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. (2024). Совместимы ли патриотизм и интернационализм? // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 24 (1). С. 99–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V325
- Поляков А.А. (2025). Ценности и смыслы патриотизма в политической повестке современной России // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 20. № 3. С. 34–75.
- Решетников В.А., Решетникова Е.В. (2020). Деятельностный патриотизм как социокультурный феномен // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Психология. Т. 32. С. 50–58. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.32.50
- Турен А. (1998). Возвращение человека действующего. Москва: Научный мир. 204 с.
- Халий И.А. (2017а). Модернизация и патриотизм: есть ли между ними связь? // *Гуманитарий Юга России*. № 3. С. 37–57.
- Халий И.А. (2017б). Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. № 2. С. 67–74.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. (2014). Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва: Норма; ИНФРА-М. 352 с.
- Шувакович У.В., Троцук И.В. (2013). Патриотизм как ценность: компоненты социологического анализа (сравнительная характеристика России и Сербии) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. № 3. С. 128–147.

- Яковлев Д.Е., Шилова Г.Ф. (2016). Приоритеты патриотического воспитания детей в духовно-пространственной среде России // *Власть*. № 9. С. 93–97.
- Bader V. (1999). For love of country. *Political Theory*, 27(3), 379–397. DOI: <https://doi.org/10.1177/0090591799027003004>
- Chang L., Guo Y. (2022). An analysis of patriotism education for college students from the perspective of “cognition-emotion-action”. *International Journal of Neuropsychopharmacology*, 25(Supplement 1), A85–A86. DOI: 10.1093/ijnp/pyac032.117
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Miller D. (1995). *On Nationality*. Oxford: Oxford University Press.
- Nussbaum M.C. (1996). Patriotism and cosmopolitanism. In: Cohen J. (Ed.). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Rokeach M. (1973). *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999). On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174.
- Staub E. (2015). *The Roots of Goodness and Resistance to Evil: Inclusive Caring, Moral Courage, Altruism Born of Suffering, Active Bystandership, and Heroism*. Oxford: Oxford University Press.
- Viroli M. (1997). *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Clarendon Press.

Сведения об авторах

Ксения Евгеньевна Косыгина – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром социокультурных и политических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Светлана Павловна Макарова – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники» Министерства обороны Российской Федерации (Российская Федерация, 162622, г. Череповец, Советский пр-т, д. 126; e-mail: svet578@mail.ru)

Kosygina K.E., Makarova S.P.

In Search of Patriotic Activism: Between Declaration and Reality

Abstract. The historical period marked by a shift in the world order and the transition from a unipolar to a multipolar system presents the world’s key nations with a set of existential challenges related to spiritual, moral, and cultural self-determination over the strategic horizon. This challenge is especially urgent for Russia, which, since the start of the special military operation in Ukraine, has been undergoing a comprehensive transformation of all spheres of life. At the heart of this transformation lies a rejection of the liberal-capitalist paradigm and the adoption of a sovereign course of national development, based on traditional cultural and moral values and on the country’s self-definition as a civilization-state. Although recent legislation has outlined the contours of Russia’s desired future, these contours still require further specification, as evidenced by ongoing debates around such concepts as ideology, the image of the future, and so forth. One such concept is patriotism – a term that Presidential Decree 809 of November 9, 2022, includes in the list of traditional values that shape the worldview of Russia’s citizens. This circumstance lends urgency to scholarly inquiry into the content and key characteristics of patriotism and into how it is perceived today by various groups of Russian society. The present study aims to contribute to this inquiry. Its objective was to identify the relationship between the level of patriotic self-identification and subjective

assessments of the population's civic engagement – including people's sense of responsibility for the state of affairs at different levels of social life – drawing on the case of the Vologda Region, one of Russia's federal subjects. The empirical basis of the paper includes the findings of a sociological survey conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the region in April 2025 (N = 1,500). The data were processed using cross-tabulation analysis, with Cramér's V coefficient computed to gauge the strength and significance of the associations among the nominal variables. The analysis yielded a socio-demographic profile of the respondents who identify themselves as patriots, and an assessment was made of the relationship between the degree of patriotic self-identification across different categories of citizens. In substantive terms, people's perceptions of patriotism were found to be dominated by the worldview component, which prevails over the activity component – a pattern manifesting itself in the combination of a high degree of patriotic self-identification with a relatively low level of civic engagement. The study also compares the data obtained with the results of similar surveys conducted at both the federal and regional levels. Our contribution lies in developing a methodological approach to investigating the characteristics and perceptions of citizens regarding patriotism that rests on empirical data, thereby making it possible to use this approach for comparative analysis in similarly themed research projects, as well as in the practice of public administration.

Key words: patriotism, activism, responsibility, civic engagement, attitudes, homeland, region, identity, values.

Information about the Authors

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for Sociocultural and Political Studies, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Svetlana P. Makarova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education “Zhukov Military University of Radioelectronics” of the Ministry of Defense of the Russian Federation (126, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162622, Russian Federation; e-mail: svet578@mail.ru)

Статья поступила 28.04.2026.